
РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

ПРОБЛЕМЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОМ ИЗМЕРЕНИИ*

Селезнев П. С.

к. полит. н., директор по международному сотрудничеству ФГБОУ
ВПО «Финансовый университет при Правительстве РФ».

E-mail: sps@fa.ru

Статья посвящена исследованию вопроса мотивации «незападных» стран в пользу выбора и реализации конкретной стратегии инновационного развития (борьба за глобальное лидерство – Китай, преодоление бедности и технологической отсталости – Бразилия, Индия, Малайзия, выживание и успех в конкурентной среде – Южная Корея, Сингапур) и анализу последствий и результатов претворения выбранной стратегии в жизнь.

Ключевые слова: инновационная политика, стратегия инновационного развития, мотивация, «незападные» страны, глобальное лидерство, модернизация, авторитарный режим, традиция, конкуренция, снижение бедности.

The article examines the problem of motivating ‘non-Western’ countries to choose and implement the innovative development strategy (of the struggle for the global leadership in China, of war on poverty and overcoming technology development lag in Brazil, India, Malaysia, the strategy of survival and success in a competitive environment in South Korea and Singapore). The consequences and effects of the chosen strategy are also examined.

Keywords: innovation-oriented policy, strategy of innovative development, motivation, ‘non-Western’ states, global leadership, modernization, authoritarian regime, tradition, competition, poverty reduction.

С середины 2000-х гг. Россия обозначила свое стремление встать на инновационный путь, заявив амбициозные проекты развития и прогресса в политической и экономической сферах. Однако для проведения в жизнь проектов модернизации мало одного желания власти, мало даже создания необходимой инфраструктуры и выделения масштабных средств. **Определяющим является выбор руководством страны инновационной мотивации**, которая ляжет в основу стратегии реформаторского курса.

Заявка на реализацию инновационного проекта является прежде всего политическим выбором руководства тех стран, которые стремятся принять реальное участие в международной конкуренции, обозначить амбиции регионального или

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-02-00357а.

глобального лидерства. Долгое время считалось, что монополией на прогресс и интенсивный путь развития обладают лишь те страны, которые придерживаются «правильного», либерально-демократического курса в политике и рыночных приоритетов в экономике.

Концепт прогресса и опережающего развития заложен в самих основах западной цивилизации. Политическая культура ведущих стран Запада изначально исходила из постулирования необходимости обеспечения наиболее комфортного существования человека в земной жизни даже в те времена, когда в мире господствовала религиозная парадигма, а Церковь являлась мощной политической силой. Тем не менее и христианские конфессии на Западе (католицизм, протестантизм) по своим морально-нравственным и политическим установкам существенно отличались от приоритетов других мировых религий, прежде всего восточных (включая православие). Дух «первенства» и «конкуренции» нашел свое отражение в протестантской этике, которая ориентировалась преимущественно на «посюстороннее» и рассматривала земную активность человека как его служение Богу. Соответственно за свои труды усердный получает благоволение свыше. Это отмечал один из родоначальников социологии и политологии Макс Вебер [1990], также подобной точки зрения придерживаются и некоторые современные ученые. «Большинство постулатов и норм, лежащих в основе современной этической культуры хозяйствования, современного морального отношения к труду и коммерческой деятельности, уходит своими корнями в протестантскую этику. В период Реформации западноевропейские страны пережили важный духовный переворот, сущность которого состояла в новом осмыслении труда и богатства. Согласно представлениям идеологов Реформации Лютера и Кальвина, труд является не наказанием, а божественным призванием, предназначением человека. Цель труда – не искупление греха и не спасение от греха праздности, а приобретение и умножение богатства, накопление собственности, стремление к прибыли. Переосмысление роли труда наряду с установкой на максимальную прибыль, финансовый успех привели и к новой оценке роли собственности и богатства в жизни человека. В протестантской этике собственность важна как основа и фундамент свободы личности», – отмечалось в аналитическом исследовании под редакцией академика Г. Б. Клейнера [Стратегии... 2008: 38].

Такого рода подход во многом лег в основу многолетней политики Запада по обеспечению опережающего характера развития и достижения глобального лидерства. Более того, из подобного мироощущения вытекает и концепция прогрессивной, цивилизаторской миссии Запада в его взаимоотношениях с внешней средой, иными цивилизационными «мирами». При этом признается только линейная версия исторического прогресса, базирующаяся прежде всего на идеях передового политического, экономического и технологического развития. Соответственно все остальные основания прогрессивности (духовные, культурные и пр.) либо выносятся за скобки и считаются «вторичными», либо отвергаются в принципе. За «незападными» странами и народами признается лишь право на догоняющее развитие, причем по пути, проторенному ведущими странами Запада, и по уже «утвержденным» последним «лекалам». Первоначальный экономический снобизм Запада стал постепенно дополняться также идеями политического прогресса, и здесь опять же он претендовал на глобальное лидерство и статус законодателя мод. Все остальные варианты политического развития признавались как девиант-

ные и неистинные. Апогеем такого подхода стала концепция «демократического транзита», получившая распространение как в политической теории, так и на практике в 1980–1990-е гг. Она постулировала необходимость движения всего человечества в направлении западного (либерального) варианта демократии, при этом отрицая не только тоталитарные и авторитарные модели, но даже альтернативные формы демократического режима. Апогеем такой однозначной трактовки политического и социально-экономического прогресса стала теория американского ученого Ф. Фукуямы о «конце истории». В своей работе с аналогичным названием он объявлял либерально-демократический и рыночный путь единственно верным, фактически «венцом» истории человечества, а победу Запада в борьбе за мировое господство безоговорочной.

Тем не менее начало XXI в. поставило под сомнение такие выводы.

Во-первых, выяснилось, что либерально-демократический путь развития не является универсальным и таит в себе существенные риски, особенно для «незападных» стран-реципиентов.

Во-вторых, глобальный финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. поставил под сомнение и универсальность либеральных рыночных основ современного Запада, и базовые принципы капитализма (такие как конкуренция, свободный рынок, невмешательство государства в экономику и пр.). Более того, не исключено, что мы стоим перед началом нового этапа кризиса западной экономической модели, вплоть до начала новой Великой депрессии [Soros 2011], что с еще большей остротой поставит вопрос о поиске адекватной замены устаревшим догмам Запада.

В то же время утрата однозначного лидерства в мире ставит под сомнение основы всей западной цивилизации и ведет к резкому обострению противоречий в США и Евросоюзе, особенно с учетом того, что во многом именно «стратегия прогресса» позволяет поддерживать стабильность в данных субъектах и обеспечивать консолидацию общества вокруг власти.

Так, для населения *Соединенных Штатов принципиальным является глобальное политическое, военное и экономическое лидерство своей страны*. В теории данные настроения были отражены в 1990-е гг. известным американским политологом, бывшим исполнительным директором (с 1985 по 1991 г.) Ассоциации за объединение демократий А. Страусом в его концепции «униполярности» [Страус 1997]. Его точка зрения состоит в следующем: «Со времени распада советского полюса биполярного мира международная система является униполярной. Налицо фактически существующий “униполь”. Он состоит из демократических индустриальных стран, которые обладают превосходящим весом в глобальной системе. Соединенные Штаты, в свою очередь, являются ведущей державой внутри униполя» [Там же: 78].

Что же касается европейских стран (прежде всего «локомотивов» интеграции ЕС), то они уже давно ориентированы на принцип «социального гедонизма», и для них глобальное лидерство (хотя бы в альянсе с США) давно является возможностью перманентного повышения уровня жизни своих граждан, что обеспечивает им и политическую стабильность. Однако и здесь понимают, что ставка на устаревшие нормы и концепции XVII–XX вв. чревата глобальным поражением и также предпринимают попытки найти выход из создавшегося «тупика» [Gvosdev 2011].

Однако последние десятилетия поставили под вопрос либеральную трактовку понятия инновационности и механизмов ее обеспечения. Помимо уже указанных выше кризисных явлений все активнее становятся *претензии (подкрепленные соответствующими инновационными достижениями) стран третьего мира на участие в прогрессивной повестке дня* современности. Причем это касается тех государств, которые совсем недавно «уверенно» принадлежали к мировой периферии и даже гипотетически не рассматривались в качестве конкурентов глобальных лидеров – США и Европы. И хотя их *выбор в пользу инновационности развития является преимущественно политическим, однако их мотивации могут существенно различаться.*

Так, некоторым из «неофитов» переход на инновационные рельсы представляется единственным шансом опередить в ужесточившейся международной конкуренции своих статусных оппонентов. Характерным примером является *Китай*, который, совершив инновационный рывок в конце XX в., в настоящий момент по военно-политической и экономической мощи уже опередил Евросоюз и наступает на пятки Соединенным Штатам.

При этом КНР не только не снижает, но и стремится наращивать темпы инновационного развития. В частности, в 2006 г. китайское правительство приняло средне- и долгосрочный планы развития инновационной системы страны, сделав акцент на новых направлениях политики. Речь шла о сокращении затрат на импорт технологий, активизации переговоров на рынке технологий, стимулировании инновационной активности частных предприятий, значительном повышении доли расходов на НИОКР в процентах ВВП, о качественно новом уровне защиты интеллектуальной собственности [Инновационная... 2011: 48].

Обращает на себя внимание статусность и аппаратный вес государственных структур, которые управляют инновационной системой Китая на национальном уровне:

- управляющая группа по науке, технологии и образованию Госсовета КНР как ключевой орган, отвечающий за стратегические решения;
- ряд министерств и организаций, отвечающих за разработку и реализацию инновационной политики (Национальная комиссия по развитию и реформам, Китайская академия наук, Китайская академия инженерных наук, Министерство образования, Государственный комитет по интеллектуальной собственности, Национальный фонд естественных наук и отраслевые министерства, включая Министерство промышленности и информационных технологий, Министерство сельского хозяйства);
- Министерство по науке и технологиям;
- ряд министерств и агентств, косвенно влияющих на разработку и реализацию инновационной политики (Министерство финансов, Министерство коммерции и Министерство человеческих ресурсов).

С учетом того, что КНР не скрывает своих претензий на глобальное лидерство и ведет активную работу по продвижению своих национальных интересов практически во всех регионах мира, инновационный проект дает Пекину возможность не просто нарастить международный «вес» и ресурсный потенциал, но и самым позитивным образом презентовать «незападным» странам привлекатель-

ную модель достижения успеха на основе сохранения традиций, причем без кардинальной ломки сложившейся политической и экономической системы.

Немаловажным являлся и вопрос о стратегии и идеологии инновационного развития КНР. В результате долгих дискуссий китайской элите удалось достичь консенсуса относительно руководящего курса, с одной стороны, позволяющего проводить реформы, с другой – сохраняющего незыблемость базовых основ государства и общества. Так появилась концепция нового авторитаризма, или неоавторитаризма (*синьцяоаньвэйчжун*). Главный смысл ее заключался в том, что рыночные отношения в экономике и политическая демократия должны вызревать в стране постепенно, под кураторством сильной и жесткой власти, в то же время ориентированной на реализацию модернизационного пути. Сторонники такого подхода настаивали на том, что новый авторитаризм принципиально отличается от прежнего. Старый авторитаризм, с их точки зрения, – это режим, функционирующий в рамках замкнутых циклов, где сильная власть постепенно подрывается и взламывается растущими противоречиями в экономике и обществе, за которыми следуют беспорядки и хаос, подавляемые, в свою очередь, новой сильной властью, и т. д. А неоавторитаризм ставит своей целью не сохранение «статус кво», а динамичное развитие общества. В итоге будут созданы условия для демократических преобразований, но преобразований мирных, эволюционных. Китайские сторонники неоавторитаризма настаивали на том, что перейти к демократии можно лишь путем всеобъемлющей модернизации, правда, модернизации не одномоментной, а поэтапной и разноплановой, в результате которой и будут созданы экономические, социальные и психологические предпосылки для демократии и свободы в Китае.

Еще одна мотивация инновационности связана со стремлением ряда стран обеспечить внутреннюю социально-политическую стабильность прежде всего за счет преодоления «хронической» нищеты большинства населения.

В частности, это касается Бразилии и Индии, где инновационные проекты в основном имеют социальную направленность, хотя это не исключает также их одновременных претензий на достижение регионального лидерства и участия в глобальных альянсах, альтернативных Западу (БРИКС).

За последние 20 лет в условиях развития предпринимательства в **Бразилии** было создано около 400 технопарков, в которых сконцентрировано 6300 организаций и фирм с 35 тыс. рабочих мест и ежегодным оборотом в 2,5 млрд долларов США. Активно стимулировала инновации принятая в 2007 г. правительством Бразилии и реализуемая с 2009 г. программа «Первая инновационная компания» (Prime) по поддержке фирм, занятых в области разработки инновационных технологий. Данная программа действует под эгидой Министерства науки и технологий (МСТ) и реализуется Агентством по финансированию исследований и проектов (FAPER) в сотрудничестве с 25 крупными технопарками, расположенными на территории всей страны, целью которых является стимулирование развития бизнес-структур, занятых в сфере инновационных технологий. Такое бурное развитие позволило Бразилии в результате инновационного «рывка» с 2003 по 2010 г. сократить уровень бедности на 50 % [Краснов 2011]. А в августе 2011 г. прези-

дент Бразилии Дилма Руссефф представила «великие планы бразильской промышленности», призванные помочь предприятиям страны стать более конкурентоспособными на мировом и внутреннем рынке. «Это крестовый поход в защиту промышленности Бразилии, которая действует на международном рынке, где конкуренция часто несправедливая и хищная», – заявила Руссефф, объявляя о принятом решении. «Мы должны срочно гарантировать адекватные налоговые и финансовые условия для стимулирования инвестиций, не вступая в протекционизм, – добавила она. – Бразилия имеет две задачи: преодолеть последствия сильного роста национальной валюты и повысить стоимость своей продукции» [Королева 2011].

При этом опять же можно отметить стремление руководства страны и идеологов реформ опираться на традиции. По мнению российского исследователя М. В. Кирчанова, «современная экономическая мысль в Бразилии не сводится исключительно к изучению современной экономики – монетарной политики, банковского сектора, агроэкономики, участия Бразилии в международной и региональной экономической интеграции. Особое внимание уделяется проблемам истории бразильской экономики. Исторический опыт и наследие воспринимаются современными бразильскими экономистами в качестве важных факторов функционирования национальной экономической модели. С другой стороны, для развития современной бразильской экономической теории характерен значительный интерес к классике, как национальной, так и зарубежной, в первую очередь – ближайших соседей по Южной Америке» [Кирчанов 2011].

Индия также традиционно относится к странам с исключительно высоким уровнем бедности и социального расслоения. Такие реалии усугублялись и закреплялись еще жестко фиксированной социальной иерархией (кастовая система) и перенаселенностью. Кроме того, бедность являлась и следствием колониальной политики Великобритании, которая была нацелена, с одной стороны, на жесткую эксплуатацию ресурсного потенциала своих владений (а Индия до 1949 г. находилась под английским владычеством), с другой – на реализацию принципа «разделяй и властвуй» как в социальной, так и национальной политике. Все это привело к нищете подавляющего большинства населения при гипертрофированном богатстве немногочисленного правящего класса.

Однако по мере государственного «созревания» Индии, роста ее политических и социально-экономических амбиций, активизации ее участия в международной жизни возникает потребность в преодолении указанной социальной разбалансировки. Как показывает мировая практика, странам третьего мира можно войти в мировую элиту только при условии инновационного рывка, в противном случае они обречены на бесперспективный «догоняющий» путь развития. «Лишь наука может решить проблемы голода и бедности, антисанитарии и безграмотности, беспросветных суеверий и обычаев, когда огромные ресурсы растрачиваются впустую, а богатую страну населяют умирающие от голода бедняки», – так говорил Джавахарлал Неру, первый премьер-министр независимой Индии [Неру 1989: 34].

Первое десятилетие XXI в. ознаменовалось для Индии мощным экономическим подъемом и ускорением в развитии инновационной сферы. Это было обусловлено как завершением предварительной стадии подготовки экономики стра-

ны к инновационному этапу, так и появлением необходимой «критической массы» образованных индийцев. Так, в 2004 г. численность населения Индии, имеющего высшее образование, достигла 53 млн человек (4,5 % населения). Страна, таким образом, получила необходимое число сравнительно обученной, хотя относительно бедной, молодежи, владеющей английским языком и имеющей возможность благодаря исторически сложившимся связям активно стажироваться в США и Великобритании. Кстати, это во многом определило инновационный профиль Индии как ведущего мирового центра ряда услуг, в частности программного и бизнес-аутсорсинга и инжиниринга. В частности, в середине 2000-х гг. на долю Индии приходилось около 45 % рынка бизнес-аутсорсинга и около 65 % рынка IT-аутсорсинга.

Все это позволило руководству страны приступить к следующему этапу преобразований. Так, в 2003 г. правительство Индии обнародовало очередные инициативы, ориентированные на инновационное развитие страны. В частности, они предполагали «дебюрократизацию» и привлечение к управлению профильными министерствами и департаментами ученых и представителей академического сообщества; увеличение объема инвестиций в НИОКР до 2 % ВВП к 2007 г., предоставление университетам и научным лабораториям права передачи технологий (раньше на это требовалась санкция государства). Также анонсировалось создание финансовых стимулов в системе НИОКР, как собственных, так и аутсорсинговых, и проведение реформы законодательства об интеллектуальной собственности [Михайлова 2011].

Организационная инфраструктура государственной поддержки и развития инноваций в Индии в 2000–2010-е гг. продолжала формироваться и в настоящее время представляет собой сложную систему. Так, она включает в себя центральные министерства, министерства при правительствах штатов, организации при муниципальных образованиях (институты, университеты, школы, обучающие центры), комитеты национального уровня и регионов, сеть юридических институтов, законотворческих организаций и пр. При этом справедливости ради следует отметить, что зачастую многие из этих учреждений дублируют функции друг друга и нередко мешают проведению в жизнь «централизованной линии».

Дальнейшие планы инновационного развития Индии были отражены в 11-м пятилетнем плане на 2007–2012 гг.: государство запланировало значительные инвестиции в развитие инфраструктуры и сферы образования.

В итоге на 2012 г. Индия занимала 8 место в мире по объемам инвестиций в инновационный сектор. С 1995 г. объемы инвестиций росли примерно на 8 % в год, а страна приобрела позитивную репутацию у венчурных инвесторов.

Отечественные и зарубежные вложения позволили Индии резко интенсифицировать свою инновационную политику, особенно в таких отраслях, как автомобилестроение, разработка программного обеспечения, телекоммуникации и биотехнологии.

Примечательно, что такого рода инвестиционная подстраховка позволила стране относительно благополучно пережить глобальный финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. Так, хотя от кризиса серьезно пострадали рынки США и ЕС, в том числе автомобилестроение и IT, в Индии эти отрасли, напротив, продемонстрировали рост. Настоящей сенсацией стало то, что в самый пик кризиса в 2009 г. индийский автомобильный концерн Tata запустил в произ-

водство самый дешевый в мире автомобиль Nano, на который сразу поступило 120 тыс. заявок [Индия... 2012]. Кроме того, в условиях кризиса руководству страны удалось привлечь в местный автопром иностранные компании, которые заинтересованы в промышленной сборке своих моделей на территории Индии ввиду наличия здесь относительно квалифицированной и дешевой рабочей силы.

Что же касается *Малайзии*, то здесь поддержка отечественного бизнеса и государственного сектора не подразумевала создания «тепличных» условий за счет импортных ограничений, что позволяло сохранять здоровую конкурентную среду. Кроме того, в Малайзии развитие государственного сектора выполняло целевую задачу – перераспределение экономического потенциала между различными этническими группами в пользу коренного населения. По мере того как госпредприятия начинали успешно функционировать, они передавались в пользование малайским бизнесменам.

Увеличение экономического потенциала позволило смягчить остроту многих социальных проблем. Доля населения, проживающего ниже черты бедности, снизилась с начала 1970-х к середине 1990-х гг. в городах – с 22 до 4,5 %, на селе – с 45 до 22 %.

Более того, преодолев свои экономические и социальные проблемы, страна вступила на путь инновационных преобразований. Даже глобальный экономический кризис не смог поколебать ее стремления к развитию. Так, в целях создания условий минимизации влияния на экономику страны негативных тенденций мирового рынка, премьер-министр Малайзии Наджиб Разак объявил о разработке новой экономической модели (НЭМ), рассчитанной на обеспечение роста ВВП в 2011–2020 гг. на уровне не ниже 6,5 % годовых.

Задача-максимум, поставленная правительством, – превратить Малайзию в страну с высокими доходами и развитым внутренним рынком. Малайзия намерена достичь роста доходов на душу населения до 15 тыс. долларов (ныне – 7 тысяч). НЭМ предусматривает также осуществление мер по развитию наукоемкой продукции в целях ослабления зависимости от нефтяной и газовой отрасли. Предусматривается также увеличение расходов на образование. Намечены меры по стимулированию предпринимательской активности. Сокращение бедности также является одним из приоритетов НЭМ, хотя на 2011 г. уровень бедности в стране не превышал вполне «безобидных» 7 %. Тем не менее НЭМ ставит задачу существенно снизить уровень бедности всех слоев населения независимо от этнической принадлежности [Поляков 2011].

Одновременно для Малайзии инновационный путь является возможностью укрепить свое влияние в исламском сообществе и даже в перспективе попытаться оспорить безоговорочное лидерство на данном направлении у монархий Персидского залива [Синецкий].

Для некоторых стран инновационная модернизация становится ныне залогом выживания и успеха в региональной конкурентной среде. Например, это касается Южной Кореи и Сингапура. По мнению ряда аналитиков, в XXI в. основным законодателем политической и социально-экономической «моды» постепенно станет АТР. Но уже сейчас в данном регионе ведутся ожесточенные конкурентные войны. И в этих условиях самоутвердиться и, более того, одержать верх над противниками может позволить только инновационный скачок. В полной мере это продемонстрировал Сингапур, где форсированная модернизация позволила

резко повысить статус страны и обеспечить ей весомые экономические и политические позиции в АТР. Что же касается Южной Кореи, то здесь фактор региональной конкуренции дополняется проблемой конкуренции политических систем. С 1953 г. Республика Корея находится в состоянии холодной войны с КНДР, и ее руководству для мобилизации поддержки населения требуется регулярно демонстрировать достижения и обеспечивать перманентное повышение жизненного уровня своих граждан.

Особо стоит подчеркнуть, что указанные выше модели незападной инновационной модернизации в своем большинстве реализуются в рамках либо недемократических (авторитарных), либо ограниченно-демократических политических режимов. При этом в качестве «двигателя прогресса» чаще всего здесь выступает не частный бизнес, как в западных странах, а государственная власть, которая является как заказчиком, так и контролером подобных реформаций. Особенно это касается КНР, Российской Федерации, Сингапура и Южной Кореи, в меньшей степени – Индии и Бразилии.

В качестве примера такого достаточно эффективного государственно-частного партнерства можно привести Южную Корею, где процессы концентрации и централизации капитала в экономике страны привели к возникновению крупных финансово-промышленных групп (*чеболь*), которые сформировались на базе торговых фирм и включают компании различных отраслей, являясь огромными конгломератами. Примерно 50 групп играют доминирующую роль в хозяйстве страны, среди них такие известные корпорации, как Hyundai, Samsung, Daewoo, LG. Отличительная особенность их успешного развития заключается в том, что они стремились не к краткосрочным прибылям, а к сохранению и усилению позиций на рынке, переходя от одного сектора производства к другому, более высокому в технологическом отношении. Это может служить прекрасным примером того, какую прибыль могут приносить вложения в наукоемкое производство. При этом правительство Южной Кореи играет доминирующую роль в экономике, осуществляет прямой и косвенный контроль во внешнеэкономических связях [Тулеев, Шатиоров 2004: 166].

Одновременно привлекательным моментом «инновационной альтернативы» с точки зрения населения и руководства указанных государств является то обстоятельство, что *модернизация здесь не предполагает отказа от национальных традиций и «подгонки» под западные «стандарты качества»*. А, как показывает практика, жесткое следование американским и европейским приоритетам далеко не всегда обеспечивает странам «отраженной модернизации» политические и социально-экономические «прорывы» (единственным исключением из данного «правила» является разве что Япония, хотя и здесь весьма существенно влияние «национального характера»). Более того, такая зависимость от иностранного влияния зачастую ставит «адаптируемые» страны в подчиненное положение по отношению к «кураторам» и практически исключает возможность выбора ими самостоятельного пути развития.

Что же касается России, то здесь, как, впрочем, и в Китае, инициатива в деле инициирования и реализации инновационного проекта принадлежит правящей элите. Причем в основе ее тяги к инновационной модернизации лежат как объективные, так и субъективные факторы. Так, с одной стороны, она вполне «эгоистично» заинтересована в сохранении своего влияния в стране, что позволя-

ет ей контролировать значительные аппаратные и бизнес-активы, с другой – она понимает, что без проведения периодических политических и экономических реформ обеспечить развитие страны будет практически невозможно.

Одним из важнейших стимулов, побуждающих российскую элиту стремиться к инновационному обновлению России, является ее желание «вписаться» в мировой истеблишмент на правах признанного «акционера», то есть стать равноправной участницей «глобального акционерного общества», пусть даже на правах «миноритария». Определенный рациональный смысл в этом стремлении присутствует – процессы глобализации диктуют необходимость тесного партнерства ведущих государств мира, а Россия начиная с 2000-х гг. претендует на восстановление статуса великой державы. Причем по мнению большей части отечественной правящей элиты достичь такого статуса она может лишь при активном взаимодействии с развитыми государствами мира, получив от них «пропуск» на мировой Олимп. Соответственно усилия российского истеблишмента в последнее десятилетие направлены на завоевание такого права. Однако при этом присутствует понимание того, что подобная интеграция возможна лишь в том случае, если российские политические и социально-экономические показатели будут сопоставимы с «сильными мира сего». Поэтому стремление в «глобальное акционерное общество» предполагает не столько ограничение своего суверенитета, сколько прагматичное и последовательное отстаивание своих прав на влияние в мире, соответствующее проценту «контролируемых акций», в диалоге со своими международными партнерами.

Инновационная повестка дня, сформулированная и реализуемая властью РФ в 2007–2012 гг., также является своего рода заявкой на интеграцию в глобальную элиту. С одной стороны, тем самым Россия демонстрирует свое созвучие с эпохой и понимание политики модернизации, с другой – хочет войти в мировой элитный клуб не на правах «младшего сырьевого брата», а как полноценное эффективное государство XXI в.

Построение в России органичной политико-экономической модели, основанной на знаниях, креативе и перспективном видении будущего, предполагает создание условий для превращения научно-технического потенциала РФ в один из основных ресурсов устойчивого политического, социально-экономического и политического роста. И здесь надо отметить, что руководство РФ, оценив остроту вызовов XXI в. и технологическое отставание страны от ведущих государств мира, но при этом учитывая ее мощнейший экономический, демографический, культурный потенциал, сыграло на опережение. Был выдвинут лозунг не «Догнать и перегнать», но «Опередить», по крайней мере в тех сферах, где Россия может совершить серьезные прорывы.

Впервые поставленная президентом Российской Федерации В. В. Путиным в Послании Федеральному Собранию (10 мая 2006 г.) цель по изменению структуры экономики России, приданию ей инновационного качества определила необходимость выполнения следующих ключевых задач.

Стимулирование роста инвестиций в производственную инфраструктуру и в развитие инноваций. Так, в Послании отмечалось: «...нам в целом нужна сегодня такая инновационная среда, которая поставит производство новых знаний “на поток”...» [Путин 2006].

Повышение ориентированности научных организаций на потребности ре-

альной экономики: «...реализация совместных планов Правительства и Академии наук по модернизации научной отрасли не будет формальной, а принесет реальные результаты, даст отечественной экономике перспективные научные разработки» [Путин 2006].

Развитие предпринимательской инициативы во всех секторах экономики и создание для этого необходимых условий. На заседании Совета Безопасности, посвященном мерам по реализации Послания Федеральному Собранию (20 июня 2006 г.), президентом России В. В. Путиным была поставлена задача разработать «...экономические стимулы, которые могут активизировать участие предпринимателей в технологической модернизации и тем самым помочь созданию самой среды, генерирующей знания и технологии» [Вступительное... 2006].

Курс на инновационное обновление страны был продолжен преемником В. В. Путина – президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым, что нашло отражение в концепции четырех «И» – Институты, Инвестиции, Инфраструктура, Инновации [Красноярская... 2008] – и среди приоритетных задач Послания Федеральному Собранию (5 ноября 2008 г.) [Медведев 2008]:

– *формирование кадрового резерва, что позволит привлечь в органы государственного, муниципального управления, в бизнес наиболее талантливых, творчески мыслящих и профессиональных людей;*

– *возрождение российской образовательной системы;*

– *производство и экспорт знаний, новых технологий и передовой культуры, что означает достижение лидирующих позиций в науке, образовании, искусстве;*

– *реформирование государственного аппарата.*

Основу государственной политики при этом, по мнению Д. А. Медведева, должна составить идеология, в центре которой – человек, как личность и как гражданин, которому от рождения гарантированы равные возможности, а жизненный успех которого зависит от его личной инициативы и самостоятельности, от его способности к новаторству и творческому труду. В итоге России предстоит решить задачу по формированию национальной инновационной системы, которая охватывала бы все разнообразие субъектов, входящих в эту систему, и ставила бы целью их активное участие в ней [Там же].

Внимание власти к концепту инновационного развития не стало чисто декларативным: были созданы «точки роста» в лице бизнес-инкубаторов, технопарков, особых экономических зон, госкорпораций («Роснано» и др.), инновационной площадки «Сколково», также продвижением инновационных проектов и их авторов займется Агентство стратегических инициатив, созданное в мае 2011 г. «Сухие» цифры таковы: сегодня в России действуют 24 особые экономические зоны, 13 наукоградов. В 12 регионах развиваются технопарки в сфере высоких технологий. В общей сложности в инфраструктуру технико-внедренческих зон (в дороги, производственные помещения, лаборатории) государство уже вложило порядка 28,3 млрд рублей. В текущем году на развитие всех особых экономических зон, технопарков и наукоградов из федерального бюджета выделяется более 17,5 млрд рублей.

Тем не менее задачи инновационной модернизации России до сих пор полностью не решены. В частности, по мнению первого проректора НИУ «Высшая школа экономики» Леонида Гохберга, «эффективная инновационная политика невозможна в сочетании с рядом элементов существующей политики». В качестве

примеров «зон неэффективности» он назвал администрирование налоговых льгот, таможенные барьеры, институт госзакупок и финансирование науки вне связи с результатами. Слабой стороной инноваций эксперты в области считают и несоординированность политики государства: например, снижение экспортной пошлины на сырую нефть убивает нефтепереработку и т. д. [Стратегия... 2011]

Также надо отметить, что до сих пор нет определенности с инновационной стратегией. В частности, непроясненным остается целый ряд «неэкономических» вопросов:

- какая мотивация будет лежать в основе инновационных преобразований;
- в какой пропорции в инновационном проекте будут представлены интересы государства, бизнеса, граждан;
- какие политические, мировоззренческие и культурные приоритеты лягут в основу российского инновационного курса;
- как оградить инновационные инициативы от различного рода международных и отечественных «издержек» (коррупция, ограничение на доступ к новейшим зарубежным технологиям, сопротивление инновационной повестке дня со стороны бюрократии и оппозиции и пр.)?

На наш взгляд, можно предложить следующие политические, имиджевые и GR-меры для оживления и оптимизации инновационной модернизации России.

Во-первых, Российскому государству следует определиться с мотивацией своего инновационного проекта. В этом плане неудачный выбор модели или конечной цели политических и социально-экономических реформ чреват поражением инициатив руководства страны. Однако еще более важным является последовательное и четкое проведение в жизнь инновационного замысла. Сейчас ситуация сродни той, о которой писал в свое время немецкий политолог К. Шмитт: главное – чтобы решения в принципе принимались. Это особенно важно, поскольку инновационный проект разрабатывался в благополучные «нулевые», а его реализация пришлось на кризисные и посткризисные годы, которые притормозили его исполнение. По крайней мере, в настоящее время в обществе исчез «инновационный драйв», который неизбежно должен сопровождать такого рода кардинальные преобразования. Это мы видим на примере практически всех «незападных» государств мира (Бразилия, Китай, Малайзия и др.). Ввиду того, что мы потеряли в свое время опору в лице великой страны, теперь инновационный энтузиазм еще более важен, поскольку лишь он позволит при эффективном руководстве правящих элит достичь высоких результатов политического и социально-экономического характера.

Во-вторых, изначально инициатива по инновационному развитию Российской Федерации исходила не «снизу», а «сверху». Более того, идея очередных реформ вне властной элиты встречала прохладное отношение и населения, и бизнес-сообщества. Так, граждане, с одной стороны, опасались очередной шоковой терапии и с недоверием относились к любым преобразовательным проектам власти, с другой – отвергали апгрейд в силу специфики отечественной политической культуры, в которой преобладает консервативный тренд. Кроме того, значительная часть населения психологически находилась еще в прошлом, XX в. и не была готова принять и понять новые технологические и информационные реалии, а тем

более существовать и действовать в их рамках.

Что же касается частного предпринимательства, то здесь также инновационный путь руководства страны был воспринят с настороженностью. После жесткой процедуры «равноудаления олигархов» предпринимательские слои вполне резонно не исключали того, что именно их назначат ответственными за инновационный подъем, обязав заниматься рискованными долгосрочными финансовыми инвестициями. Соответственно это породило своего рода инновационное «дезертирство» частного бизнеса, предпочитавшего работать в более привлекательных сферах.

Поэтому основная часть нагрузки в деле продвижения инновационного проекта легла на плечи государства, вернее, заинтересованных элитных групп, имевших соответствующий профиль деятельности. Именно они стали главными инициаторами и лоббистами инновационных инициатив, а также основными бенефициарами по итогам его практического внедрения.

Однако на этапе развития инновационного проекта абсолютно необходимо искреннее подключение к нему предпринимательского корпуса и общественности, которые бы дали ему гражданский импульс. Кроме того, важно достижение национального консенсуса в отношении построения в России инновационного государства XXI в. Это достигается как через вовлечение заинтересованных сторон в модернизационные проекты (например, через создание при инновационных предприятиях общественных советов, широкое внедрение государственно-частного партнерства, выделение инновационных грантов и пр.), так и через проведение эффективной информационной политики в независимых СМИ и сети Интернет (в том числе в популярных социальных сетях).

В то же время подключение общества к инновационному проекту государства не означает обязательного проведения политической либерализации. Как показывает опыт «незападных» передовых стран, там достаточно жесткая и сильная государственная власть вполне уживается с инновационным развитием, более того, чаще всего именно государство выступает в качестве инициатора и менеджера преобразований. Это особенно актуально для России, где психология населения и даже значительной части элиты является нерыночной и недемократичной. Поэтому в плане выбора механизмов реализации инновационных реформ для нашей страны, судя по всему, ближе все-таки путь КНР и Сингапура, чем США и Евросоюза.

В-третьих, как показывает вышеприведенный анализ, по своей политической культуре Россия и ее население ближе скорее к восточному типу инновационного развития. А это значит, что в рамках продвижения профильных реформ необходимо учитывать мировоззренческий и морально-этический фактор, державный настрой большинства граждан, их этатистские и эгалитаристские приоритеты. Соответственно в этой связи более логичным представляется делать акцент в проведении инновационного проекта в жизнь не на «гедонистических» аспектах, а на патриотических лозунгах. Конечно, социальный пафос инновационной модернизации также мог бы сыграть мощную мобилизующую роль, однако проект кардинального обновления российской политики и экономики вряд ли даст быстрый материализованный эффект и излишнее внимание к социальным аспектам без конкретных оперативных результатов привело бы лишь к дискредитации как са-

мого проекта, так и его инициаторов.

В-четвертых, для реализации инновационного проекта следует обеспечить жесткий контроль за освоением выделяемых средств, вести тотальную борьбу с коррупцией на федеральном и региональном уровнях, постараться минимизировать суммы «откатов», получаемых недобросовестными чиновниками на инновационном поле. Не исключено, что следует перевести такого рода преступления в разряд особо тяжких, поскольку они не только чаще всего связаны с хищениями государственных средств в особо крупных размерах, но и фактически наносят удар по политической и экономической стабильности России, парализуют стратегические инициативы власти. Особенно это актуально в настоящий момент, когда у руководства страны уже нет возможности выделять на инновационные проекты завышенные суммы с поправкой «на коррупцию», как это нередко делалось в 2000-е гг.

В-пятых, несмотря на определенные успехи в деле разработки инновационного законодательства, оно все-таки еще несовершенно и требует дальнейших усилий как со стороны власти, которая с точки зрения обеспечения стабильности заинтересована в модернизационном апгрейде РФ, так и со стороны лоббистов государственных и частных бизнес-структур, вовлеченных в сферу технологий будущего. Так, в действующем законодательстве пока отсутствуют такие понятия, как «инновационная политика», «национальная инновационная система», «инновация», «инновационная деятельность», а также «венчурный фонд» и «субъект малого инновационного предпринимательства в научно-технической сфере». Это в определенной мере сдерживает эффективность развития инновационной сферы в России и позволяет коммерческим структурам инвестировать государственные средства в проекты, лишь условно связанные с инновациями [В Совете... 2011]. Кроме того, современные правовые нормы не определяют особенностей осуществления инновационной деятельности за счет бюджетных средств в сфере обеспечения конкурентоспособности экономики, ее диверсификации, стимулирования инвестиционной деятельности и развития инноваций.

В ходе проверки Счетной палаты РФ выяснилось также, что государство не реализовало свою политику на уровне законодательства в части налогового стимулирования инновационной сферы, а малый и средний бизнес, работающий в этом направлении, так и не дождался от государства дополнительных льгот и преференций, что также сдерживает его развитие. Причем «все эти меры должны были предприниматься еще четыре года назад в рамках утвержденной правительственной стратегии развития науки и инноваций до 2015 года. Это программа направлена на формирование эффективной инновационной системы, обеспечивающей технологическую модернизацию экономики страны. Законодательное обеспечение инновационной сферы в этом документе обозначена как одна из приоритетных», – отметил аудитор СП А. Пискунов [Там же].

Тем не менее не исключено, что даже в случае совершенствования инновационного законодательства данные нормы «зависнут» с точки зрения практической реализации. С одной стороны, этому могут способствовать высокие цены на энергоресурсы, которые обычно заставляют руководство страны и элиту откладывать инновационное обновление «на потом». С другой стороны, инновационную политику могут сдерживать также проблемы, связанные с обозначившейся технологической и научно-исследовательской отсталостью российской экономики. В насто-

ящий момент страна во многом живет еще советским инновационным «багажом», который постепенно ветшает и исчерпывается. А зарубежные партнеры в условиях обострившейся глобальной конкуренции явно не спешат делиться с РФ своими новейшими разработками и технологиями.

Литература

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М. : Прогресс, 1990. (Социологическая мысль Запада.) (Veber M. Protestant ethics and spirit of capitalism // Selected works / Transl., afterword and ed. by Yu. N. Davydova; Foreword by P. P. Gaydenko. Moscow: Progress, 1990. (Sociological thought of the West.))

В Совете Федерации предлагают подправить законодательную базу в сфере инновационной деятельности. 2011. 26 января [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regions.ru/news/2335868/> (Federation Council suggests correcting the legislative base in the sphere of innovative activity. 2011. January 26 [Electronic resource]. URL: <http://www.regions.ru/news/2335868/>).

Вступительное слово В. Путина на заседании Совета Безопасности, посвященном мерам по реализации Послания Федеральному Собранию 20 июня 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=278967&soch=1> (V. Putin's opening remarks at the meeting of the Security Council devoted to the measures for implementation of the Message to Federal Assembly on June 20, 2006 [Electronic resource]. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=278967&soch=1>).

Индия: научно-технологическое развитие и инновации // Политическое образование. 2012. 30 мая [Электронный ресурс]. URL: www.lawinrussia.ru/node/119856 (India: Scientific and technological development and innovations // Political education. 2012. May 30 [Electronic resource]. URL: www.lawinrussia.ru/node/119856).

Инновационная политика: международный опыт // Человек и труд. 2011. № 1. С. 48. (Innovative politics: International experience // A man and work. 2011. No. 1. Page 48).

Кирчанов М. В. Бразильская экономическая теория: между традициями и инновациями // Современные научные исследования и инновации. 2011. Июнь [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/06/903> (Kirchanov M. V. Brazilian economic theory: Between traditions and innovations // Modern scientific research and innovations. 2011. June [Electronic resource]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/06/903>).

Королева А. Бразильская защита // Эксперт. 2011. 3 августа [Электронный ресурс]. URL: <http://expert.ru/2011/08/3/brazilskaya-zaschita/> (Koroleva A. Brazilian protection // Expert. 2011. August 3 [Electronic resource]. URL: <http://expert.ru/2011/08/3/brazilskaya-zaschita/>).

Краснов А. Социальное неравенство в Бразилии достигло исторического минимума // РИА Новости. 2011. 4 мая [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/society/20110504/370710263.html> (Krasnov A. Social inequality in Brazil reached a historical minimum // RIA News. 2011. May 4 [Electronic resource]. URL: <http://ria.ru/society/20110504/370710263.html>).

Красноярская формула Дмитрия Медведева // Невское время. 2008. 16 февраля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nevskoevremya.spb.ru/strana/4060/krasnoyarskayaformuladmitriame/> (Dmitry Medvedev's Krasnoyarsk formula // Nevskoe vremya. 2008. February 16 [Electronic resource]. URL: <http://www.nevskoevremya.spb.ru/strana/4060/krasnoyarskayaformuladmitriame/>).

.nevskoevremya.spb.ru/strana/4060/krasnoyar skayaformuladmitriame/)

Медведев Д. А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2008. 5 ноября. 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2008/11/05/poslanie-kremlin.html> (Medvedev D. A. Message to the Federal Assembly of the Russian Federation // The Russian Newspaper. 2008. November 5. 2008 [Electronic resource]. URL: <http://www.rg.ru/2008/11/05/poslanie-kremlin.html>).

Михайлова М. В. Республика Индия. Государственное и муниципальное управление зарубежных стран : [сайт]. URL: <http://www.gmu-countries.ru/asia/india/nis.html> (Mikhailova M. V. Republic of India. Public and municipal administration of the foreign countries: [site]. URL: <http://www.gmu-countries.ru/asia/india/nis.html>).

Неру Дж. Воспоминания. Исследования. М., 1989. (Nehru J. Memoirs. Researches. Moscow, 1989).

Поляков Б. Малайзия сегодня // Форум. 2011. 11 июня. (Polyakov B. Malaysia today // Forum. 2011. June 11).

Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 10 мая 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2006/05/10/1357_type63372_type63374type82634_105546.shtml (Putin V. V. The message to the Federal Assembly of the Russian Federation of May 10, 2006 [Electronic resource]. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2006/05/10/1357_type63372_type63374type82634_105546.shtml).

Синецкий Н. С. Социокультурные аспекты принятия технологических инноваций на современном арабском Востоке [Электронный ресурс]. URL: http://www.chiep.ru/pics/uploads/docs/NIR/CONFERENC/Sinetskij_N.S.pdf (Sinetsky N. S. Sociocultural aspects of acceptance of technological innovations in the modern Arab East [Electronic resource]. URL: http://www.chiep.ru/pics/uploads/docs/NIR/CONFERENC/Sinetskij_N.S.pdf).

Стратегии бизнеса: аналитический справочник / под ред. Г. Б. Клейнера. М., 2008. (Business strategies: Analytical reference book / Ed. by G. B. Kleiner. Moscow, 2008).

Стратегия-2020: Трудный путь к инновациям // РИА Новости. 2011. 7 июля [Электронный ресурс]. URL: <http://strategy2020.rian.ru/g5/20110707/366099491.html> (Strategy-2020: A difficult way to innovations // RIA News. 2011. July 7 [Electronic resource]. URL: <http://strategy2020.rian.ru/g5/20110707/366099491.html>).

Страус А. Л. Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Политические исследования. 1997. № 2. С. 78–91. (Straus A. L. Unipolarity. Concentric structure of the new world order and the position of Russia // Political researches. 1997. No. 2. Pp.78–91).

Тулеев А. М., Шатиоров С. В. Россия перед прыжком. М., 2004. (Tuleev A. M., Shatirov S. V. Russia before the leap. Moscow, 2004).

Gvosdev N. He Realist Prism: U.S. Policy Paralysis Risks Global Leadership Void // World Politics Review. 2011. October 2.

Soros G. How to Stop a Second Great Depression. 2011. September 29 [Электронный ресурс]. URL: <http://blogs.ft.com/the-a-list/2011/09/29/how-to-stop-a-second-great-depression/?Authorised=false>